
Алекс Скай
Развод с драконом
Лазарет для его отречённых близнецов

Алекс Скай

Развод с драконом. Лазарет для его отречённых близнецов

«Автор»
2026

Скай А.

Развод с драконом. Лазарет для его отречённых близнецов / А. Скай — «Автор», 2026

Меня выгнали из дворца Северного дракона в тот день, когда мой муж подписал развод.Но хуже было не это.Каэль Риордан отрёкся от наших детей перед всем советом. Назвал Дарена и Мири чужой ветвью. Лишил имени, защиты и будущего.Я должна была молча уйти в старое северное крыло, которое во дворце называли Лазаретом. Туда отправляли тех, о ком род хотел забыть.Только мои близнецы не исчезли.Родовая чаша раскололась от прикосновения моей дочери. На серебре проступили имена детей. А древний дом открыл двери, которые ждали их задолго до рождения.Теперь Каэль хочет вернуть то, от чего сам отказался.Но я больше не женщина, которую можно изгнать, позвать обратно и ждать благодарности.Я — мать отречённых близнецов.И я не отдам их никому.

© Скай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подпись под отречением 5
Глава 2. Северное крыло по прозвищу Лазарет 17
Глава 3. Невеста, которой нужен трон 34
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Алекс Скай
Развод с драконом. Лазарет для его отречённых близнецов

Глава 1. Подпись под отречением

Разводы во дворце Риорданов не совершались тихо.

Их превращали в представление.

Лиара Вейл поняла это в ту секунду, когда двери главного зала распахнулись перед ней не мягко, как прежде, а широко, властно, безжалостно — будто её не приглашали войти, а выставляли на площадь перед толпой.

По обе стороны длинного зала стояли драконьи лорды. Серебряные застёжки на их плащах поблёскивали в свете высоких огненных чаш, родовые перстни лежали на пальцах тяжело, словно каждый из этих мужчин и женщин заранее держал в руке камень для приговора. Они не шумели. Не перешёптывались. Не отворачивались.

Они смотрели.

На неё.

На её простое тёмное платье, выбранное не для торжества, а для дороги.

На две маленькие ладони, вцепившиеся в её пальцы.

На Дарена, который упрямо поднял подбородок, хотя ему было всего шесть.

На Мири, спрятавшуюся ближе к материнскому боку, но всё равно смотревшую вперёд своими огромными серыми глазами — слишком серьёзными для ребёнка, который ещё вчера просил рассказать сказку о драконе, полюбившем звезду.

Лиара не опустила головы.

Если они хотели увидеть, как она сломается, им придётся ждать долго.

В конце зала, на возвышении под гербом Риорданов, стоял Каэль.

Её муж.

Ещё муж.

Архидракон Севера, владыка ледяных перевалов, наследник рода, который никогда не просил дважды и никогда не признавал ошибок вслух.

Сегодня он был в парадном чёрном камзоле с серебряной вышивкой у ворота. Его тёмные волосы были собраны лентой у затылка, лицо казалось выточенным из зимнего камня, а глаза… Лиара заставила себя не искать в них того, что когда-то принимала за любовь.

Потому что там не было любви.

Там была усталость.

Холод.

И решение, принятое без неё.

Рядом с ним стояла леди Селеста Аверин.

Не слишком близко. Не вызывающе. Всего на полшага позади и справа — ровно там, где невеста ещё не имела права стоять, но уже позволяла всем догадаться, что скоро это право получит. Её платье цвета белого золота мягко спадало к полу, рука покоилась на резном подлокотнике кресла совета, губы были сомкнуты в спокойной улыбке.

Слишком спокойной.

Лиара посмотрела на неё только один раз.

Этого хватило.

Селеста не торжествовала открыто. Она была умнее. Женщины вроде неё не бросают победные взгляды через зал. Они улыбаются так, будто всё происходящее — естественный порядок мира.

Будто жену можно заменить.

Будто детей можно вычеркнуть.

Будто сердце, если его разбить в присутствии свидетелей, будет стыдиться громкого звука.

— Лиара Вейл, — произнёс старший советник Арман Тарр.

Он стоял у стола из чёрного дуба. На столе лежал пергамент с родовой печатью. Рядом — перо. Одно перо. Одно решение. Одна линия, после которой жизнь делилась на до и после.

Лиара остановилась на середине зала.

— Пока ещё Риордан, лорд Тарр.

Несколько голов повернулось к ней. Кто-то недовольно поджал губы.

Арман Тарр не изменился в лице.

— Совет рода признаёт, что брачный союз между архидраконом Каэлем Риорданом и Лиарой Вейл-Риордан исчерпал себя и не служит интересам рода.

Дарен резко сжал её пальцы.

Лиара не позволила себе вздрогнуть.

— Интересам рода, — повторила она негромко. — Как удобно. Когда женщину берут в этот дворец, её называют благословением. Когда от неё хотят избавиться, она вдруг перестаёт служить интересам.

В зале прошёл едва слышный шорох.

Каэль не двинулся.

Даже не нахмурился.

И это оказалось хуже любого крика.

Раньше он спорил с ней. Раньше мог сдержанно, почти лениво сказать: “Лиара, не начинай войну из-за каждого слова”. Раньше подходил ближе, если она слишком долго молчала, и спрашивал только глазами, что случилось.

Теперь он стоял так, будто между ними никогда не было ночей у северных окон, его ладони на её талии, её смеха в его волосах, двух детских голосов, впервые назвавших его отцом.

— Мама, — прошептала Мири.

Лиара склонилась к ней, не сводя взгляда с совета.

— Я здесь.

— Они сердятся?

— Нет, птичка. Они просто забыли, что у них есть совесть.

— Лиара, — голос Каэля впервые прорезал воздух.

Низкий. Ровный. Привычный до боли.

Она подняла взгляд.

— Да, мой лорд?

Он чуть заметно дёрнул челюстью. Это был единственный знак, что обращение задело.

— Не превращай это в сцену.

Лиара почти улыбнулась.

Почти.

— Какая странная просьба от мужчины, который собрал весь совет, чтобы объявить мне развод перед детьми.

Дарен повернул голову к отцу.

— Это правда? — спросил он.

Вопрос прозвучал не по-детски громко.

Кто-то из лордов отвёл взгляд. Не от стыда, конечно. Драконьи лорды редко испытывали стыд, если рядом находилось достаточно красивых слов, чтобы назвать его долгом.

Каэль посмотрел на сына.

Сына.

Лиара видела, как на миг в его глазах что-то дрогнуло. Не раскаяние. Нет. До раскаяния ему ещё нужно было дойти через собственную гордыню, чужую ложь и тот пустой коридор, где женщина, которую он оставил одну, перестанет ждать.

Но дрогнуло.

— Дарен, — сказал он, — сейчас говорят взрослые.

Мальчик побледнел, но не отступил.

— Я тоже здесь стою.

Лиара почувствовала, как внутри неё что-то одновременно разбилось и окрепло.

— Да, — сказала она тихо. — Стоишь.

Мири второй рукой ухватилась за складку её платья.

Арман Тарр сухо кашлянул.

— Совет просит детей покинуть зал до завершения процедуры.

— Нет, — ответила Лиара.

— Это не просьба.

— Тогда вам стоило научиться отдавать приказы там, где у вас есть власть.

Глаза Тарра сузились.

— Вы забываете своё положение.

— Нет. Сегодня вы все очень постарались, чтобы я его запомнила.

Селеста едва заметно наклонила голову. Свет коснулся её светлых волос, собранных в безупречную причёску. Она выглядела как женщина, которая уже примерила не только место рядом с Каэлем, но и каждую тень в этом зале.

— Лиара, — произнесла она мягко. — Никто не хочет причинить детям лишние переживания.

Лиара повернулась к ней.

Медленно.

— Леди Аверин, когда чужая женщина стоит рядом с моим мужем в день моего развода, ей лучше молчать о переживаниях моих детей.

Воздух в зале будто стал плотнее.

Селеста не покраснела. Даже не смутилась. Только её улыбка стала на крупицу тоньше.

— Я понимаю вашу обиду.

— Нет. Вы понимаете только удобство.

Каэль сделал шаг вперёд.

— Довольно.

Одно слово.

Когда-то оно могло остановить спорящих вассалов, разогнать стражу, заставить закрыться двери, прекратить любой шум во дворце. Но не сегодня.

Лиара посмотрела на него так, как не смотрела никогда за семь лет брака.

Без просьбы.

Без надежды.

Без привычки искать в нём защиту.

— Довольно было тогда, когда за моей спиной готовили этот пергамент. Довольно было тогда, когда совет решил, что моих детей можно обсуждать без меня. Довольно было тогда, когда ты позволил ей стоять здесь.

Она не указала на Селесту. Ей не требовалось.

— Это решение принято не из-за Селесты, — сказал Каэль.

— Конечно. Мужчины вроде тебя никогда не бросают жён из-за другой женщины. Они бросают их из-за долга, рода, порядка, пророчеств, печатей, древних обычаев и ещё сотни прекрасных слов, которые не пахнут предательством, пока их не произнесут вслух.

Он молчал.

И это молчание разозлило её сильнее оправданий.

Арман Тарр поднял пергамент.

— Совет признаёт за Лиарой Вейл право покинуть дворец с личными вещами, переданными ей до брака, и сохранить малое содержание сроком на один год.

— Как щедро, — сказала Лиара.

— Также совет постановляет, что дети, известные как Дарен и Мири, рождённые в браке с архидраконом Каэлем Риорданом…

Лиара вдруг перестала слышать зал.

Не потому, что стало тихо.

Наоборот. Где-то потрескивали огненные чаши. За окнами протяжно выл северный ветер. Один из советников переложил трость из правой руки в левую. Селеста вдохнула — почти неслышно, но Лиара почему-то уловила это.

Она поняла.

До того, как Тарр закончил фразу.

Поняла по тому, как Каэль отвёл взгляд от детей.

По тому, как Дарену никто не предложил стул.

По тому, как Мири так и не назвали “леди”.

По тому, что на столе лежал не один пергамент, а два.

— …не признаются прямыми наследниками рода Риорданов, — договорил Тарр. — До проведения дополнительных решений совета они считаются чужой ветвью без права на родовое имя, печать, защиту старшей крови и место в линии наследования.

Мири не поняла всех слов.

Дарен понял достаточно.

— Мама? — его голос стал тоньше. — Что значит чужой?

Лиара не смогла сразу ответить.

Её сердце ударило так сильно, что на миг зал качнулся. Но она не позволила себе пошатнуться. Не здесь. Не перед ними. Не перед женщиной, которая улыбалась всё так же спокойно.

— Это значит, — сказала она, глядя на Каэля, — что твой отец сегодня решил быть трусом.

Совет взорвался голосами.

— Недопустимо!

— Оскорбление архидракона!

— Она вышла за пределы дозволенного!

— Уведите детей!

Каэль поднял руку.

Шум оборвался.

Он смотрел на Лиару. Теперь в его глазах был гнев.

Хорошо.

Гнев был живее равнодушия.

— Не заставляй меня применять власть, Лиара.

— А ты не заставляй меня объяснять нашим детям, почему их отец спрятался за совет.

Он сошёл с возвышения.

Каждый его шаг отдавался под сводами зала. Каэль всегда двигался так, будто пространство само должно уступать ему дорогу. Сила дракона не нуждалась в демонстрации — она была в осанке, во взгляде, в тишине, которая возникала там, где он появлялся.

Когда-то Лиара чувствовала себя защищённой рядом с этой силой.

Сегодня она впервые поняла, каково стоять перед ней без защиты.

Каэль остановился в нескольких шагах.

— Дарен и Мири будут обеспечены.

— Они не вещи, чтобы их обеспечивать.

— Им не угрожает опасность.

— Ты только что позволил назвать их чужими в доме, где они родились.

Его лицо напряглось.

— Есть сомнения.

— У кого?

— У совета.

— Нет. У совета есть выгода. Сомнения проверяют. Выгоду прикрывают словами.

Тарр резко произнёс:

— Леди Вейл…

— Я требую испытания крови.

В зале снова стало тихо.

Только на этот раз тишина была другой.

Не осуждающей.

Испуганной.

Даже Селеста перестала улыбаться на долю мгновения.

Лиара почувствовала это, как чувствуют сквозняк в закрытой комнате.

Попала.

— По какому праву? — спросил Тарр.

— По праву матери детей, рождённых в законном браке с главой рода.

— Испытание крови не проводится по требованию женщины, чей союз расторгнут.

— Он ещё не расторгнут. Подписи нет.

Она повернулась к Каэлю.

— Верно?

Он не ответил сразу.

И в этом промедлении было всё, чего она боялась.

Он знал.

Знал, что пока не поставил подпись, она имеет право требовать проверки.

Знал, что испытание расставит всё по местам.

Знал — и всё равно стоял между ней и правдой.

— Каэль, — сказала Лиара тише. — Посмотри на них.

Он не хотел.

Она видела это по его лицу.

Но Дарен смотрел на него прямо. Упрямо. С отчаянной надеждой ребёнка, который ещё верит: взрослый может ошибиться, но не может предать окончательно.

Мири выглянула из-за материнского платья.

— Папа, — прошептала она.

Это слово ударило сильнее пощёчины.

Каэль закрыл глаза.

На один вдох.

Когда открыл, он снова был архидраконом.

— Совет рассмотрел все сведения.

Лиара отступила на полшага, будто он всё-таки ударил.

Дарен выдернул свою руку из её пальцев.

— Какие сведения? — спросил он.

Никто не ответил.

— Я спросил, какие сведения? — повторил мальчик громче.

Арман Тарр нахмурился.

— Ребёнку не положено вмешиваться.

— А вам положено врать?

Лиара быстро положила руку сыну на плечо.

— Дарен.

Он дрожал. Не от страха — от ярости, слишком большой для маленького тела.

Каэль смотрел на него так, будто видел впервые.

— Ты не должен так говорить со старшими.

— А ты не должен так говорить с мамой.

В зале кто-то резко втянул воздух.

Лиара почувствовала, как её глаза защипало. Она запретила себе плакать ещё утром, когда служанка принесла ей не парадное платье, а дорожный сундук. Запретила, когда Мири спросила, почему их любимые книги сложили в ящик. Запретила, когда Дарен слишком старательно помогал сестре застегнуть плащ.

Слёзы будут потом.

Когда дети уснут.

Когда стены перестанут иметь уши.

Когда она сможет позволить себе быть не камнем, а женщиной, у которой в один день отняли дом, имя и веру в мужчину, которого она любила.

Но не сейчас.

— Я требую испытания, — повторила она. — Здесь. При всех. Если мои дети чужая ветвь, родовая чаша молчит. Если они кровь Риорданов, она ответит.

Эвелина Риордан, мать Каэля, поднялась со своего места.

Лиара почти забыла о ней.

Почти.

Герцогиня была женщиной без возраста — тонкая, прямая, с белыми волосами, уложенными так строго, будто ни одна прядь за всю жизнь не посмела ослушаться. Она носила тёмно-синий цвет вдов Риорданов, хотя овдовела много лет назад и давно превратила траур не в скорбь, а в оружие.

— Испытание крови, — произнесла Эвелина, — не игрушка для оскорблённой жены.

— А отречение от детей, значит, игрушка для скучающего совета?

Глаза герцогини стали холодными.

— Следите за языком.

— Следила семь лет. Посмотрите, куда это меня привело.

Уголок губ Селесты дрогнул.

Не улыбка.

Раздражение.

Эвелина перевела взгляд на сына.

— Каэль.

Одно имя.

Один приказ, спрятанный в материнской интонации.

Лиара увидела, как напряглись плечи Каэля.

И вдруг поняла: он не просто верил совету. Не просто позволил другим говорить. Он оказался в клетке, которую сам помог выстроить. Из долга, гордости, привычки быть безупречным сыном рода.

Но клетка не оправдывала того, кто запер в ней ещё и собственных детей.

— Подпиши, — сказала Эвелина.

Мири всхлипнула.

Каэль взял перо.

Лиара не закричала.

Даже когда его пальцы коснулись серебряного стержня.

Даже когда он подошёл к столу.

Даже когда Арман Тарр развернул перед ним первый пергамент — тот, где расторгался их брак.

Она смотрела на его руку и вспоминала совершенно не то, что следовало.

Как эта рука когда-то осторожно держала Дарена, когда мальчик впервые поднял голову.

Как эти пальцы заплетали Мири ленту в волосы, неуклюже, смешно, с неприкрытым раздражением на ленту и такой нежностью во взгляде, что Лиара тогда отвернулась, чтобы он не заметил её улыбку.

Как эта ладонь лежала на её животе, когда дети ещё не родились, а Каэль говорил глухо, почти испуганно:

“Они будут сильными. Я чувствую.”

Он чувствовал.

Он знал.

И всё равно сейчас подписывал.

Перо скользнуло по пергаменту.

Каэль Риордан.

Ровная, уверенная подпись.

Семь лет — в несколько чёрных линий.

Лиара услышала, как Дарен выдохнул сквозь зубы.

Мири прижалась к ней крепче.

— Первый акт завершён, — объявил Тарр.

Первый.

Лиара подняла глаза.

Каэль не смотрел на неё.

Тарр положил перед ним второй пергамент.

Вот он.

Настоящий удар.

Не развод.

Не изгнание.

Не другая женщина у возвышения.

Второй пергамент был тоньше первого, но тяжелее любого камня в этом зале.

Акт об отречении.

— Каэль, — сказала Лиара.

Он замер.

Не повернулся.

— Ты можешь ненавидеть меня, если тебе так проще. Можешь считать наш брак ошибкой. Можешь верить своей матери, совету, Селесте, кому угодно. Но это твои дети.

Тишина стала такой глубокой, что голос Лиары разошёлся по залу почти шёпотом.

— Твои.

Он стоял спиной.

— Подумай не о роде. Не о власти. Не о том, что скажут эти люди. Один раз в жизни подумай как отец.

Селеста медленно опустила ресницы.

Эвелина не шевельнулась.

Арман Тарр прижал ладонь к краю пергамента, словно боялся, что тот исчезнет.

Каэль повернулся.

Лиара не узнала его лицо.

Нет, черты были те же. Прямой нос, резкая линия скул, тёмные глаза, в которых когда-то отражались северные грозы. Но выражение… Будто он уже отрезал часть себя и теперь стоял, истекая пустотой, не позволяя никому заметить.

— Я думаю о будущем, — сказал он.

Лиара кивнула.

Медленно.

— Нет. Ты думаешь о том, как оно будет выглядеть на бумаге.

Дарен шагнул вперёд.

— Не подписывай.

Каэль посмотрел на сына.

— Дарен…

— Не подписывай! — голос мальчика сорвался. — Я буду слушаться. Я не буду спорить с учителем меча. Я больше не полезу на южную башню. Я… я скажу Мири, чтобы она не брала твою печать со стола. Только не подписывай, что мы чужие.

Лиара закрыла глаза.

Мири заплакала беззвучно. Просто слёзы покатились по её щекам, а губы дрожали, будто она боялась издать звук и сделать всё ещё хуже.

Каэль побледнел.

На миг Лиара подумала: вот сейчас.

Сейчас он бросит перо.

Сейчас разорвёт этот проклятый пергамент.

Сейчас скажет совету убираться, Селесте — выйти, матери — молчать, а детям…

Детям — что они его.

Но Эвелина произнесла:

— Слабость одного дня разрушит вековой род.

И Каэль подписал.

Не сразу.

Не легко.

Но подписал.

Перо оставило вторую подпись.

Каэль Риордан.

Под актом, где Дарен и Мири переставали быть его наследниками.

Под актом, где их имена отделяли от рода.

Под актом, где слово “чужая” было выведено сухой рукой писца так аккуратно, словно речь шла не о детях, а о лишней строке в счёте.

Дарен больше не говорил.

Он просто смотрел на отца.

И в этом взгляде детство треснуло первым.

Лиара почувствовала, как внутри поднимается ярость — не горячая, не слепая, а холодная, ясная, такая сильная, что от неё стало легче дышать.

Она отпустила руки детей и шагнула к столу.

Стражи у стены напряглись.

Каэль повернулся к ней.

— Лиара.

— Не бойся. Я не стану умолять.

Она взяла второй пергамент.

Тарр резко протянул руку.

— Вы не имеете права…

— Уже не имею? Или ещё не успели придумать, как назвать это законом?

Она посмотрела на строки.

Там было всё: “сомнительное происхождение”, “в интересах рода”, “до дальнейшего решения”, “чужая ветвь”.

Ни одного слова “дети”.

Ни одного слова “сын”.

Ни одного слова “дочь”.

Они действительно умели убивать без оружия.

Лиара положила пергамент обратно.

— Я не признаю этот акт.

Тарр холодно ответил:

— Ваше признание не требуется.

— Моё нет. А родовой чаши?

Он застыл.

Лиара повернулась к возвышению.

У подножия герба стояла чаша Риорданов — широкая, тёмно-серебряная, на трёх драконьих лапах. Её не использовали на праздниках. Она не украшала пиры. К ней не подпускали гостей. Чаша принадлежала не живым, а крови рода, как говорили в детских легендах.

Лиара никогда не касалась её.

Даже в первый день брака, когда Каэль подвёл её к чаше, она остановилась за шаг.

“Она признаёт только рождённых в крови Риорданов”, — сказал он тогда.

И улыбнулся.

Редко. Почти незаметно.

Но ей.

Только ей.

— Поставьте чашу перед детьми, — сказала Лиара.

Тарр сжал губы.

— Нет.

— Почему?

— Испытание не назначено.

— Потому что вы знаете результат.

Эвелина ударила тростью о пол.

— Довольно.

Лиара резко повернулась к ней.

— Нет, герцогиня. Довольно будет тогда, когда вы назовёте моих детей чужими перед чашей, которая знает правду.

— Вы забылись.

— Я сегодня многое потеряла. Страх перед вами — первым.

На лице Эвелины не дрогнул ни один мускул, но её пальцы крепче сжали набалдашник трости.

Селеста выступила вперёд.

— Возможно, леди Вейл стоит дать время успокоиться. День был тяжёлым.

— Не называйте меня леди Вейл так, будто уже примерили мою фамилию на своих губах, — сказала Лиара. — Она вам не идёт.

В зале кто-то подавился смешком и тут же умолк.

Селеста наконец посмотрела на неё по-настоящему.

Без мягкости.

Без улыбки.

С холодной оценкой женщины, которая поняла, что соперница не собирается уходить красиво.

— Вы унижаете себя, Лиара.

— Нет. Я запоминаю лица.

Каэль вдруг оказался рядом.

Так близко, что Лиара уловила знакомый запах морозного ветра и тёмного дерева. На мгновение прошлое ударило в неё слишком резко. Захотелось отступить. Не от него — от себя прежней, той, что ещё утром могла бы поверить, будто под этим холодом осталось что-то живое.

— Забери детей и уходи, — сказал он тихо. — Я распоряжусь, чтобы вам дали охрану до северного крыла.

Северное крыло.

Не дом.

Не покои.

Не гостевой двор.

Северное крыло старого имения, о котором слуги говорили шёпотом и никогда при детях.

Лиара усмехнулась.

— Как милосердно. Сначала вычеркнуть, потом проводить до двери.

— Не вынуждай меня спорить при них.

— Ты уже сделал хуже, чем спор.

Он посмотрел на детей.

Мири тут же спряталась за Лиару.

Дарен не спрятался. Он стоял прямо, но его губы стали белыми.

— Дарен, — Каэль сделал шаг к нему.

Мальчик отступил.

Всего на один шаг.

Но этот шаг ударил по залу сильнее любого крика.

Каэль остановился.

Лиара увидела в его глазах то, что ждала раньше: боль.

Поздно.

— Я пойду, — сказала она. — Но не потому, что вы имеете право меня изгнать. А потому, что мои дети не должны дышать этим воздухом дольше необходимого.

Она взяла Мири за руку, потом протянула ладонь Дарену.

Сын медлил.

Его взгляд оставался прикован к чаше Риорданов.

— Дарен, — тихо позвала Лиара.

— Она бы ответила, — сказал он.

— Я знаю.

— Почему они не дают?

Лиара сглотнула.

— Потому что иногда взрослые боятся правды сильнее детей.

Мири вдруг высвободила пальцы.

— Я не боюсь, — сказала она.

Лиара повернулась.

— Мири?

Девочка смотрела не на мать.

На чашу.

Её серые глаза казались темнее обычного. В них отражались огненные чаши на стенах, герб дракона, лица лордов — и что-то ещё, слишком древнее для шестилетнего ребёнка.

— Мири, стой, — резко сказал Каэль.

В его голосе впервые прозвучал страх.

Настоящий.

Девочка не послушалась.

Она пошла к возвышению маленькими шагами. Её тёмные кудри выбились из ленты, плечи дрожали, но она не остановилась. Никто не двинулся ей наперерез. Может, потому что все были слишком потрясены. А может, потому что где-то глубоко каждый в этом зале знал: если ребёнок, которого только что назвали чужим, идёт к родовой чаше, остановить его — значит признаться.

Лиара сделала шаг за ней, но Дарен схватил её за руку.

— Мама, пусть.

— Дарен…

— Пусть.

Мири подошла к чаше.

Она была почти выше неё.

Селеста резко произнесла:

— Уберите ребёнка.

Никто не шевельнулся.

Каэль смотрел на дочь так, будто видел перед собой край пропасти.

— Мири, не трогай.

Девочка повернула к нему лицо.

— А если я чужая, ей всё равно.

В зале стало мёртво тихо.

Лиара перестала дышать.

Мири подняла маленькую ладонь.

Эвелина шагнула вперёд.

— Нет!

Поздно.

Пальцы Мири коснулись края родовой чаши.

Сначала не произошло ничего.

Один удар сердца.

Второй.

Селеста выдохнула почти с облегчением.

И тогда чаша запела.

Не звуком.

Дрожью.

Серебро под детской ладонью вспыхнуло изнутри, будто в глубине древнего металла проснулась северная молния. По залу прокатилась волна силы — не горячая, не обжигающая, а властная, древняя, от которой лорды невольно склонили головы, хотя никто не приказывал им склоняться.

Дарен вскрикнул.

Не от страха.

На его запястье проступил тонкий серебряный знак — драконье крыло, свернувшееся вокруг маленькой звезды.

У Мири такой же знак вспыхнул у ключицы, прямо над воротом платья.

Лиара прикрыла рот ладонью.

Каэль сделал шаг к дочери.

— Мири…

Но девочка уже не смотрела на него.

Она смотрела в чашу.

— Там кто-то говорит, — прошептала она.

Арман Тарр побледнел.

— Невозможно.

— Что говорит? — спросила Лиара, едва узнавая собственный голос.

Мири нахмурилась, будто прислушивалась к далёкой песне.

— Что имя нельзя отнять подписью.

Каэль замер.

Слова упали между ними, как приговор.

Селеста отступила на полшага.

Эвелина побелела так резко, что стала похожа на статую из старого льда.

А потом по родовой чаше пошла трещина.

Тонкая.

Яркая.

От края до самого дна.

Серебряный звук расколол зал.

Мири отдёрнула руку, но чаша уже треснула пополам.

Одна половина осталась на подставке.

Вторая упала к ногам Каэля.

И на внутренней стороне расколотого серебра проступили два имени.

Дарен Риордан.

Мири Риордан.

Лиара подняла глаза на мужа.

Бывшего мужа.

Отца, который только что подписал отречение от собственных детей.

Впервые за весь день Каэль выглядел не властным, не холодным и не уверенным.

Он выглядел человеком, который понял, что его подпись стоила ему больше, чем он собирался заплатить.

Мири медленно повернулась к нему.

Слёзы на её щеках высохли, но голос остался детским.

Тихим.

Страшно ясным.

— Папа, — сказала она. — Чаша говорит, что ты соврал.

И где-то над гербом Риорданов погас первый огонь.

Глава 2. Северное крыло по прозвищу Лазарет

Погасший огонь над гербом не зажгли снова.

Никто не посмел.

В главном зале дворца Риорданов, где ещё несколько минут назад так уверенно звучали приговоры, вдруг оказалось слишком много людей и слишком мало власти. Лорды стояли вдоль стен с теми же перстнями, застёжками, плащами и древними фамилиями, но Лиара впервые увидела, что вся их внушительность держалась на одном условии: правда должна была молчать.

А правда только что расколола родовую чашу пополам.

Серебряная половина лежала у ног Каэля, и два имени на её внутренней стороне сияли так ярко, будто их вырезали не по металлу, а по самой совести рода.

Дарен Риордан.

Мири Риордан.

Лиара не сразу поняла, что держит детей за руки. Мири стояла рядом, маленькая, бледная, с застывшим лицом ребёнка, который сделал что-то большое и теперь не знает, будут ли его за это обнимать или наказывать. Дарен смотрел на чашу так, будто хотел запомнить не только буквы, но и каждую тень вокруг них.

Каэль не двигался.

Он смотрел на имена детей. Не на Лиару, не на совет, не на Селесту, которая вдруг стала удивительно тихой. На имена.

И если бы Лиара была той женщиной, которой проснулась утром, она, возможно, увидела бы в этом начало чего-то. Шанс. Трещину в ледяной стене. Мгновение, когда мужчина, которого она любила, наконец понял, что сделал.

Но прежняя Лиара осталась где-то между первым и вторым пергаментом.

Та, что стояла сейчас в зале, не ждала от Каэля правильных слов.

Она ждала только угрозы.

Потому что род, пойманный на лжи при свидетелях, не становился честным. Он становился опасным.

— Увести детей, — произнесла Эвелина.

Герцогиня сказала это тихо, но в её голосе было столько стали, что двое стражей у боковой двери шагнули вперёд прежде, чем поняли, кому подчиняются.

Дарен сразу встал перед сестрой.

Неудачно. Слишком маленький, слишком худой в своём дорожном камзольчике, с дрожащими руками и серебряным знаком на запястье. Но встал.

Лиара положила ладонь ему на плечо.

— Никто не тронет моих детей.

Арман Тарр наконец выдохнул.

— После произошедшего необходима закрытая проверка.

— Нет.

— Лиара Вейл, вы не понимаете…

— Я всё поняла.

Она повернулась так, чтобы видеть одновременно совет, Каэля и подходящих стражей.

Внутри было холодно до странной ясности. Каждая деталь выделялась остро: трещина на чаше, белые пальцы Селесты, сжавшие ткань платья, резкая складка у рта Эвелины, неподвижная рука Каэля рядом с пергаментом об отречении.

Подпись высохла.

Имена на серебре горели.

Правда пришла слишком поздно, чтобы что-то исправить, но достаточно рано, чтобы не дать им спрятать детей в очередной закон.

— Вы хотели свидетелей, — сказала Лиара. — Вы их получили. Весь совет видел, как родовая чаша признала Дарена и Мири. Весь совет слышал, что имя нельзя отнять подписью. Любая попытка забрать детей сейчас будет выглядеть не как проверка, а как страх.

Слово ударило точно.

Несколько лордов переглянулись.

Страх для драконьего рода был хуже вины. Вину можно было прикрыть долгом. Страх — только новой жестокостью.

Каэль поднял голову.

— Стража, назад.

Оба стража остановились.

Эвелина медленно повернулась к сыну.

— Каэль.

— Я сказал: назад.

На этот раз в его голосе был архидракон. Не сын. Не муж. Не мужчина, который пять минут назад поставил подпись там, где не имел права даже держать перо.

Власть вернулась к нему резко, как удар северного ветра.

Стражи отступили.

Лиара не поблагодарила.

Дарен тоже не поблагодарил. Он только ещё сильнее сжал кулаки.

Мири подняла лицо к матери.

— Я плохо сделала?

Лиара опустилась перед ней на колени прямо на холодный пол главного зала. Платье легло тёмными складками вокруг неё, и где-то сбоку Эвелина едва заметно поморщилась, будто даже это показалось ей нарушением приличий.

Лиара взяла лицо дочери в ладони.

— Нет, птичка. Ты сказала правду так, как взрослые не смогли.

— Чаша сломалась.

— Иногда старые вещи ломаются, когда в них слишком долго прятали ложь.

Мири моргнула.

— Папа рассердится?

Лиара почувствовала, как Каэль стоит совсем рядом. Слышит каждое слово. Наверное, впервые за этот день действительно слышит.

— Если рассердится, — сказала она, глядя дочери в глаза, — то пусть сердится на себя.

— Лиара, — тихо произнёс Каэль.

Она поднялась.

Медленно, с достоинством. Если слабость пыталась подобраться к коленям, она не дала ей пройти дальше.

— Что?

Он смотрел на неё уже иначе.

Не холодно. Не равнодушно. Но Лиара не собиралась принимать потрясение за раскаяние.

— Я должен разобраться.

Она усмехнулась одними губами.

— Должен был до подписи.

Он будто проглотил ответ.

Селеста шагнула к нему.

— Каэль, сейчас не время спорить. Совет прав: то, что произошло, требует осторожности. Девочка могла пробудить не только родовой знак, но и старые силы, о которых мы ничего не знаем.

Мири спряталась за Лиару.

Вот теперь Лиара улыбнулась по-настоящему.

Недобро.

— Как быстро вы перешли от “чужая ветвь” к “старые силы”.

Селеста не дрогнула.

— Я думаю о безопасности рода.

— А я о безопасности детей. Разница заметна.

Арман Тарр поднял руку, будто желая вернуть заседанию прежний порядок.

— До выяснения обстоятельств Дарен и Мири не могут покинуть владения Риорданов.

— Мы и так не покидаем владения, — сказала Лиара. — Нас уже сослали в северное крыло. Или ваш акт действителен только в той части, где унижает, но не в той, где обязывает вас отпустить нас из этого зала?

Тарр посмотрел на Каэля.

Каэль всё ещё не сводил глаз с Лиары.

— Северное крыло непригодно.

— Тогда странно, что ты выбрал его для своих детей.

Он побледнел.

Не сильно. Но Лиара увидела.

Эта маленькая перемена не принесла ей радости. Только усталость. Как будто где-то внутри неё стояла комната с закрытой дверью, за которой ещё плакала прежняя женщина, а новая не позволяла себе даже повернуть голову на этот звук.

Каэль сказал глухо:

— Я распорядился подготовить комнаты.

— Подготовить? — Лиара оглядела зал. — Прекрасно. Значит, всё было решено заранее.

Молчание стало ответом.

Дарен вдруг поднял руку и потёр запястье, где светился серебряный знак. Лиара сразу повернулась к нему.

— Дар?

— Оно тянет, — сказал он, стараясь говорить спокойно. — Будто кто-то зовёт. Не отсюда.

Каэль сделал шаг.

— Покажи.

Мальчик отступил к матери.

Каэль остановился так резко, словно перед ним выросла стена.

Лиара не стала смягчать этот миг. Пусть запомнит. Пусть увидит не только подпись, но и её последствия. Доверие ребёнка не исчезало торжественно, с громом и молниями. Оно просто отступало на один шаг и уже не позволяло подойти.

— Мы уходим, — сказала она.

Эвелина резко произнесла:

— Никто не покинет зал, пока совет не примет новое решение.

Лиара повернулась к герцогине.

— Вы уже приняли одно. Довольно.

— Вы всё ещё говорите в доме моего рода.

— Нет, герцогиня. Я говорю в доме, где родовая чаша только что назвала моих детей Риорданами. Вы можете спорить со мной. С чашей — попробуйте.

На несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Эвелина не моргала. Лиара тоже.

И вдруг Лиара поняла: герцогиня не удивлена так, как должна была бы. Она испугана. Не за род. Не за Каэля. Не за детей. За то, что произошло слишком рано.

Значит, она знала больше.

Намного больше.

Но сейчас Лиара не могла вытянуть из неё правду. Сейчас у неё были двое детей, один расколотый зал и слишком много врагов вокруг.

Каэль поднял половину чаши с именами.

Сделал это осторожно, почти бережно. Серебро не погасло в его ладонях. Наоборот, буквы вспыхнули ярче, будто древняя вещь заставляла его смотреть.

— Карету к северному крылу, — приказал он. — Сейчас.

Тарр нахмурился.

— Мой лорд, совет…

— Совет уже сказал достаточно.

Селеста посмотрела на него резко, но тут же спрятала выражение лица.

Лиара заметила.

И запомнила.

Каэль подошёл ближе. Не к детям. К Лиаре. На расстояние, которое раньше было привычным, а теперь показалось ей недопустимо малым.

— Я поеду с вами.

— Нет.

— Лиара…

— Ты сегодня подписал бумагу, в которой мои дети названы чужими. После этого ты не поедешь с ними в одной карете, не будешь делать вид, что охраняешь нас, и не станешь изображать отца перед теми, кому только что позволил пережить это.

Он смотрел на неё тяжело.

— Я не знал, что чаша…

— Знал достаточно, чтобы отказать мне в проверке.

Ответить ему было нечем.

Дарен поднял лицо.

— Мы поедем без него, мама?

Лиара взяла сына за руку.

— Да.

Мири протянула руку к брату. Дарен сразу сжал её пальцы, слишком крепко, но девочка не пожаловалась.

Каэль увидел это.

И снова ничего не сказал.

Лиара пошла к выходу.

На этот раз двери главного зала открывались перед ней иначе. Она входила сюда женой, которую собирались унизить. Уходила женщиной, за спиной которой раскололась родовая чаша.

Лорды расступались.

Не из уважения.

Пока нет.

Из страха перед тем, что не смогли объяснить.

Когда Лиара проходила мимо Селесты, та тихо сказала:

— Северное крыло меняет людей.

Лиара остановилась.

— Как удачно. Мне как раз надо перестать быть той, которую вы знали.

Селеста улыбнулась.

Но в этой улыбке больше не было прежнего спокойствия.

— Не все, кто туда попадал, возвращались.

— Значит, вам лучше молиться, чтобы я вернулась.

Лиара не стала ждать ответа.

Она вышла из зала, держа детей за руки.

За дверями коридор показался слишком длинным. Каменные стены тянулись в обе стороны, как холодное горло дворца. Здесь не было лордов, но были слуги. Те самые, что утром не смотрели ей в глаза, когда складывали вещи. Те самые, что годами приседали перед ней в поклоне и называли госпожой.

Теперь они стояли вдоль стен.

Кто-то с любопытством. Кто-то со страхом. Кто-то с жалостью.

Жалость оказалась самой оскорбительной.

Лиара расправила плечи.

— Мама, — шепнула Мири, — они тоже слышали?

— Во дворце стены быстрее людей, птичка.

— А что они теперь будут говорить?

Дарен ответил раньше неё:

— Что мы не чужие.

Он сказал это упрямо, но голос у него дрогнул на последнем слове.

Лиара остановилась у высокого окна. За стеклом метался серый снег, хотя утром небо было чистым. Север всегда чувствовал тревогу Риорданов. Или, может, Риорданы веками присваивали себе даже погоду, чтобы казаться могущественнее.

Она присела перед сыном.

— Дарен.

Он не хотел смотреть ей в глаза.

— Я не плачу.

— Я вижу.

— Я вообще не собирался.

— Я знаю.

— Он подписал, — выдохнул мальчик. — Даже когда я попросил. Я ведь попросил нормально, да?

Лиара почувствовала, как слова застряли в горле.

Можно было сказать: “он ошибся”. Но это прозвучало бы как оправдание.

Можно было сказать: “он любит вас”. Но после сегодняшнего дети не обязаны были верить в любовь, которая ставит подпись под отречением.

Правда была жестче. Но дети чувствовали ложь быстрее взрослых.

— Ты попросил так, как мог попросить только сын, — сказала Лиара. — А он ответил так, как не должен был отвечать отец.

Дарен сжал губы.

— Я больше не буду его просить.

Лиара не стала спорить.

Некоторые клятвы, произнесённые ребёнком в коридоре после предательства, нельзя было развеять ласковым словом. Их можно было только пережить рядом.

Мири вдруг потянула её за рукав.

— А если чаша злая на меня?

— Нет.

— Она сломалась из-за меня.

— Она сломалась из-за тех, кто заставил её молчать.

— Но я слышала голос.

Лиара замерла.

В коридоре за их спинами шаги стражи звучали гулко, но далеко. Всё равно она понизила голос.

— Что он сказал ещё?

Мири нахмурилась. У детей это выражение было похоже на Каэля — сосредоточенное, слишком серьёзное, с крошечной складкой между бровями. Лиара почти возненавидела себя за то, что заметила.

— Не всё помню. Там было много шёпота. Как когда в зале все говорят, а ты слышишь только один голос.

— Мужской? Женский?

— Не знаю. Старый.

Дарен фыркнул.

— Голос не может быть старым.

— Может, — обиделась Мири. — Этот был.

— И что он сказал?

Девочка обхватила себя руками.

— Что нас уже ждали.

Лиара поднялась так резко, что у неё потемнело перед глазами. Она не показала.

— Кто ждал?

Мири покачала головой.

— Не знаю.

Из-за поворота вышел Каэль.

Один.

Без Селесты, без совета, без матери. В руке он держал свёрнутый плащ Дарена, тот самый, который утром мальчик забыл в своих комнатах. Серая ткань с серебряной застёжкой в форме маленького крыла казалась сейчас нелепой — слишком домашней для дня, когда дом перестал быть домом.

Лиара выпрямилась.

Дарен увидел плащ и сразу отвернулся.

Каэль остановился в нескольких шагах.

— Он оставил это.

— Передайте слуге.

— Я хотел сам.

— Поздно вспоминать, что у детей мёрзнут плечи.

Его лицо напряглось, но он не ответил резкостью.

Хорошо. Значит, способен учиться хотя бы молчанию.

Мири смотрела на него испуганно и с той мучительной надеждой, которую Лиара не могла запретить. Для ребёнка отец не исчезал за одну подпись. Он продолжал быть тем, кто когда-то поднимал на руки, сажал на подоконник, рассказывал, как драконы видят звёзды сквозь метель.

Каэль опустился на одно колено перед дочерью.

Лиара сразу шагнула ближе, но не остановила. Пока.

— Мири, — сказал он тихо. — Прости, что ты испугалась.

Не “прости, что я отрёкся”.

Не “прости, что позволил назвать тебя чужой”.

Лиара почти закрыла глаза от досады. Даже сейчас он пытался обойти бездну по краю, будто можно извиниться за ветер, не упомянув бурю.

Мири молчала.

Каэль протянул руку с плащом Дарена, но смотрел на дочь.

— Я разберусь с тем, что произошло.

Дарен резко повернулся.

— С чем? С тем, что мы твои?

Каэль перевёл взгляд на сына.

— Дарен…

— Не называй меня так.

Лиара почувствовала, как Каэль внутренне отшатнулся. Снаружи он почти не изменился, но она слишком хорошо знала его лицо. Века родового воспитания учили его не показывать удара. Дети этому воспитанию не подчинялись.

— Я не хотел, чтобы…

— Хотел. Ты же сам подписал.

— Я должен был защитить род от возможной угрозы.

Дарен шагнул к нему.

— А нас от кого должен был защитить?

Тишина.

Лиара смотрела на Каэля и впервые не помогала ему найти ответ.

Пусть сам.

Пусть поймёт, как трудно оправдываться перед тем, кого ты должен был беречь.

Каэль медленно поднялся.

— Я не могу отменить всё одним словом.

— А отречься смог одним росчерком, — сказала Лиара.

Он посмотрел на неё.

В его глазах теперь было нечто большее, чем потрясение. Там появилось осознание, но ещё не раскаяние. Раскаяние требует не только понять, что ты натворил, но и принять, что пострадавшие не обязаны облегчать тебе путь обратно.

— Северное крыло будет очищено от лишней стражи, — сказал он. — Останутся только те, кого выберешь ты.

— Я выберу никого.

— Это небезопасно.

— Для кого?

Он не ответил сразу.

Лиара усмехнулась.

— Вот видишь. Даже сейчас ты не знаешь, за кого боишься больше — за нас или за свой род.

— За детей.

— Тогда не стой между ними и выходом.

Каэль опустил взгляд.

Не в знак покорности. Нет. Мужчины вроде него не учились этому за один день. Но он отступил на шаг.

Дарен сам взял свой плащ из его рук.

Не поблагодарил.

На мгновение пальцы Каэля почти коснулись руки сына, но Дарен успел отдёрнуть её раньше.

Лиара отвернулась первой.

И повела детей дальше.

Карета ждала у северного выхода, не у парадного. Конечно. Парадные двери были для невест, послов и победителей. Изгнанных провожали боковыми коридорами, мимо узких окон и старых лестниц, где даже факелы горели тусклее.

У крыльца стояли два сундука. Два. За семь лет брака, за рождение двоих детей, за вечера, завтраки, праздники, за каждую комнату, где её смех когда-то оставался на стенах, ей позволили забрать два сундука.

Лиара посмотрела на них и вдруг рассмеялась.

Коротко.

Безрадостно.

Старший кучер, Гарт, опустил глаза.

— Госпожа…

— Уже нет.

Он покраснел.

— Для меня — да.

Лиара посмотрела на него внимательнее.

Гарт служил во дворце дольше, чем она жила в нём. Он никогда не вмешивался в дела господ, не говорил лишнего и умел становиться частью каменной стены, когда рядом проходили лорды. Сейчас он стоял перед ней с поводьями в руках, и в его взгляде было не жалость.

Стыд.

— Кто приказал вывести только два сундука? — спросила Лиара.

Гарт сглотнул.

— Канцелярия совета.

— Не архидракон?

— Нет, госпожа.

Это было важно.

Не потому, что оправдывало Каэля. Ничто уже не оправдывало. Но потому, что показывало: совет действовал заранее и тщательно. Её не просто выгоняли. Её лишали привычной опоры, мелочей, памяти, всего, что могло напомнить ей, что она не появилась на свет женой Риордана и не обязана исчезнуть без этого имени.

— Понятно, — сказала она.

Дарен оглядел сундуки.

— Там мои книги?

— Часть.

— А деревянный дракон?

Лиара не ответила.

Мири шмыгнула носом.

— А моя синяя лента?

Лиара сжала пальцы.

Смешно. После расколотой чаши, отречения, совета и изгнания её едва не сломал вопрос о синей ленте.

— Мы найдём другую, птичка.

— Но ту папа привёз.

Дарен резко сказал:

— Значит, не надо.

Мири заплакала.

— Она не виновата, что он плохой!

— Он не плохой, — зло ответил Дарен. — Он просто нас отдал.

Лиара присела между ними прямо на заснеженной каменной площадке.

— Посмотрите на меня оба.

Дарен отвернулся.

— Дар.

Он всё-таки посмотрел.

— Вы можете злиться. Можете плакать. Можете скучать по своим вещам, комнатам, старым дням, даже по тем людям, которые сегодня сделали вам больно. Всё это можно. Но нельзя срывать друг на друге то, что сделали взрослые.

Дарен моргнул часто-часто.

— Я не хотел на Мири.

— Я знаю.

Мири всхлипнула:

— А я не хочу другую ленту.

— Тогда мы вернём твою.

Дарен нахмурился.

— Как?

Лиара вытерла слёзы с лица дочери большим пальцем.

— Не знаю пока. Но я больше не собираюсь просить разрешения на то, что принадлежит вам.

Гарт отвёл взгляд, но Лиара увидела, как у него дрогнули усы.

В этот момент из боковой двери вышла женщина с небольшой связкой ключей на поясе. Старая, сухая, в тёмном платье без украшений, с прямой спиной и глазами цвета выцветшего янтаря. Лиара знала её. Агата. Ключница старого крыла дворца, которую редко видели в главных коридорах. Слуги побаивались её, дети — нет. Мири однажды сказала, что у Агаты руки как веточки, но голос как камень.

Агата остановилась перед Лиарой и поклонилась.

Не низко, как бывшей госпоже.

Правильно.

Как женщине, которую признают.

— Северное крыло открыто, — сказала она.

Лиара поднялась.

— Вас прислали?

— Нет.

— Тогда почему вы здесь?

Агата посмотрела на Дарена и Мири. На их серебряные знаки. Потом на Лиару.

— Потому что двери не любят ждать тех, кому давно пора войти.

Странная фраза.

Гарт резко поднял голову, будто услышал то, чего не должен был.

— Вы знаете, что произошло в зале? — спросила Лиара.

— В этом дворце даже крысы уже знают, госпожа.

— Не называйте меня так.

— Как пожелаете, госпожа.

Лиара почти улыбнулась.

Почти.

— Что такое северное крыло, Агата?

Ключница помолчала.

За их спинами шумел снег. С крыльца были видны башни дворца — острые, тёмные, красивые, будто им никогда не приходилось слышать детский плач.

— Место, куда род отправляет тех, о ком не хочет говорить, — ответила Агата.

Мири прижалась к Лиаре.

— Нас тоже?

Лиара ждала, что Агата смягчит ответ.

Та не смягчила.

— Да, маленькая госпожа.

Дарен вскинул подбородок.

— Мы не маленькие господа. Нас отрекли.

Агата посмотрела на него так спокойно, что мальчик сбился.

— Отречение, написанное трусом, не всегда сильнее имени, написанного раньше него.

Лиара резко повернулась к ней.

— Что значит раньше?

Агата уже шагнула к карете.

— По дороге лучше не задавать вопросы, на которые стены могут ответить вместо людей.

Она открыла дверцу.

Лиара посмотрела на дворец.

В одном из верхних окон стоял Каэль.

Далеко. Неподвижно. Чёрная фигура на фоне огня.

Рядом с ним появилась бело-золотая тень Селесты.

Лиара увидела, как Селеста что-то сказала. Каэль не повернулся к ней. Продолжал смотреть вниз.

Раньше это могло бы что-то значить.

Теперь Лиара посадила детей в карету и села сама.

Дверца закрылась.

Когда колёса тронулись, Мири прижалась к её боку.

— Мы уезжаем навсегда?

Лиара обняла её.

— Мы уезжаем туда, где сможем дышать.

Дарен сел напротив, слишком прямо. Плащ лежал у него на коленях. Он не надел его, хотя в карете было холодно.

— Я не хочу жить в месте, куда всех отправляют забытыми.

Агата, устроившаяся у окна напротив, сухо сказала:

— Тогда не живите как забытые.

Мальчик нахмурился.

— А как?

— Как те, кто пришёл забрать своё.

Лиара посмотрела на ключницу.

— Вы слишком много знаете для женщины, которую никто не прислал.

— Меня много лет никто никуда не присылает. Это одно из немногих преимуществ старости.

— А второе?

— Люди перестают замечать, что ты слушаешь.

Карета выехала из внутреннего двора и повернула к северной дороге. Дворец остался позади не сразу. Он долго тянулся за ними башнями, стенами, мостами, чёрными окнами. Казалось, сама гора держала его когтями и не желала отпускать тех, кого только что изгнала.

Северное крыло старого имения находилось не в основном дворцовом кольце. Туда вела отдельная дорога через сосновый парк, мимо замёрзших фонтанов, пустых беседок и статуй драконов, наполовину скрытых снегом. Чем дальше они ехали, тем тише становился мир. Не спокойнее — именно тише. Так бывает в местах, где слишком долго не звучал смех.

Мири задремала, уткнувшись в Лиару. Дарен продолжал смотреть в окно.

Его запястье под рукавом иногда вспыхивало серебром.

Каждый раз мальчик прятал руку глубже.

Лиара замечала, но не давила вопросами. Сегодня детям и так пришлось быть слишком взрослыми.

— Почему его называли Лазаретом? — спросила она у Агаты.

Ключница не сразу ответила.

— Потому что Риорданы любят красивые слова для некрасивых поступков.

Лиара напряглась.

— Это не настоящее назначение крыла?

— У каждого места есть то, что о нём говорят, и то, для чего оно было построено.

— А северное крыло?

Агата провела пальцами по связке ключей. Один из них был длинный, тёмный, с головкой в виде свернувшегося дракона без глаз.

— Его построили до главного дворца. Но потом род переписал историю наоборот.

— Зачем?

— Чтобы молодые лорды росли с мыслью, будто власть всегда жила в главном зале. Так удобнее.

Лиара вспомнила расколотую чашу, испуганное лицо Эвелины, слова Мири: “Нас уже ждали”.

— Кто там жил?

Агата посмотрела в окно.

— Те, кого нельзя было убить и нельзя было признать.

Дарен резко повернулся.

— Как это?

Лиара тихо сказала:

— Агата.

Старая женщина взглянула на мальчика без снисхождения.

— Иногда род боится своих наследников сильнее врагов.

Дарен сжал плащ.

— Потому что они могут стать сильнее?

— Потому что могут оказаться честнее.

Карета качнулась на повороте.

Мири проснулась.

— Мы приехали?

Снаружи сосны расступились.

Северное крыло появилось не сразу. Сначала Лиара увидела стену — низкую, занесённую снегом, с тёмными железными воротами. На воротах не было герба Риорданов. Только круг с вырезанной внутри звездой и двумя крыльями по бокам. Знак был старым, грубым, почти стёртым, но почему-то Лиара почувствовала, как Дарен рядом задержал дыхание.

— Мама, — сказал он. — У меня на руке похоже.

Агата молча достала ключ.

Ворота открылись без скрипа.

Это было странно. Всё вокруг выглядело заброшенным, но петли подчинились легко, будто их смазывали каждую неделю. За воротами стоял дом — длинный, каменный, с башенкой у восточного угла и высоким рядом узких окон. Крыша была покрыта снегом. На фасаде местами потемнел камень, плющ давно высох и держался за стены чёрными пальцами.

Но в одном окне горел свет.

Лиара выпрямилась.

— Здесь кто-то есть?

— Теперь да, — сказала Агата.

Карета остановилась у крыльца.

Дверь дома открылась раньше, чем Гарт успел спрыгнуть с козел. На пороге стоял мужчина в потёртом тёмном мундире без знаков рода. Высокий, широкоплечий, с коротко остри-

женными русыми волосами и лицом человека, который привык не улыбаться первым. На правой стороне воротника остался след от сорванной эмблемы.

Лиара узнала его не сразу.

Рован Керн.

Бывший старший страж восточных ворот.

Три года назад он исчез из дворца после истории, о которой слуги говорили шёпотом: будто он отказался пропустить ночью закрытую карету без приказа Лиары, а утром его имя убрали из списков.

Каэль тогда сказал: “Керн нарушил порядок”.

Лиара поверила.

Сегодня она впервые спросила себя, чей порядок.

Рован спустился на одну ступень и поклонился.

— Леди Риордан.

Агата хмыкнула.

Лиара застыла.

— Это имя сегодня пытались отнять.

— Я слышал. У них плохо вышло.

Дарен впервые за дорогу почти улыбнулся.

Почти.

Лиара вышла из кареты. Холодный воздух ударил в лицо, но после дворцового зала он показался честным.

— Кто вас позвал?

Рован посмотрел на Агату.

— Ключи стучат громче колоколов, когда старая ведьма сердится.

— Следи за языком, мальчишка, — сказала Агата без злости.

— Мне тридцать шесть.

— Вот именно.

Мири осторожно выглянула из кареты.

— Вы страж?

Рован присел, чтобы быть с ней на одном уровне, но не подошёл слишком близко.

— Был.

— А теперь?

Он подумал.

— Теперь, видимо, снова.

— Нас будете сторожить?

— Нет. Тех, кто придёт за вами.

Мири серьёзно кивнула, будто такой ответ её устроил.

Дарен вышел сам, не принимая руки Гарта. На ступеньке он остановился и посмотрел на дом.

— Здесь страшно.

Рован поднялся.

— Хорошо.

Мальчик нахмурился.

— Почему?

— Страшные места иногда отпугивают тех, кто считает себя храбрым.

Агата открыла главную дверь.

Внутри северное крыло пахло холодным камнем, старым деревом и пылью. Лиара заранее приготовилась к сырости, темноте и запустению, но дом встретил её иначе. Да, углы тонули в сумраке. Да, над лестницей висела паутина, а ковры были давно сняты. Но в главном холле

горел камин — обычный, широкий, с чёрной решёткой. Перед ним стояли три кресла, разные, будто собранные из разных комнат, и низкий стол с кружками горячего ягодного взвара.

Лиара не стала смотреть на взвар слишком долго, чтобы не думать, кто позаботился.

У стены лежали дополнительные одеяла. На нижней ступени лестницы стояли две пары детских тёплых сапожек. Не новые, но крепкие. Рядом — корзина с яблоками.

Мири увидела яблоки и вдруг расплакалась.

Не громко. Устало.

— Я хочу домой.

Лиара подхватила её на руки.

— Я знаю.

— Не сюда.

— Знаю.

Дарен стоял рядом и кусал губу, пытаясь не присоединиться.

Лиара посмотрела на холодные стены, чужие кресла, старую лестницу, людей, которые появились без приказа Каэля, и впервые за день почувствовала не облегчение, нет. Облегчение было ещё слишком далеко. Но под ногами появилась земля.

Не дворец.

Не дом.

Пока — укрытие.

И этого хватило, чтобы сделать следующий вдох.

— Агата, — сказала она. — Какие комнаты готовы?

— Восточные. Там теплее утром. Детям — смежная, вам — рядом.

— Рован, сколько входов?

Он ответил сразу:

— Главный. Кухонный. Задняя галерея. Старый ход к оранжевому саду, завален снаружи, но не доверяю. Башенная лестница ведёт на крышу. Подвал не проверен.

Лиара кивнула.

— Проверите всё до ночи. Без стражи Каэля.

— Уже начал.

— Гарт?

Кучер, заносивший сундук, выпрямился.

— Да, госпожа?

— Вы вернётесь во дворец?

Он помолчал.

— Я должен.

— Тогда передадите одно распоряжение.

— Кому?

Лиара сняла перчатки и положила их на стол.

Пальцы дрожали. Она сжала их в кулак.

— Всем, кто спросит. Лиара Вейл-Риордан не просит вернуть ей место. Не просит милости. Не просит позволения видеться с собственными детьми. И не признаёт акт об отречении Дарена и Мири.

Агата тихо сказала:

— Опасные слова.

— Нет. Опасным было молчание.

Рован посмотрел на неё с новым вниманием.

— А если архидракон пришлёт приказ?

Лиара подняла голову.

— Зависит от приказа.

— А если прикажет впустить его?

В комнате стало тихо.

Мири перестала плакать.

Дарен уставился на мать.

Лиара почувствовала, как все ждут. Не красивой фразы. Решения.

Вот оно. Первое настоящее решение в новой жизни.

Каэль привык, что двери открываются перед ним. Даже сегодня, после всего, часть её памяти всё ещё знала: если он войдёт, дом будто признает его главным. Слово, взгляд, движение — и все начнут оглядываться на него. Так было всегда.

Но больше нет.

— Если Каэль Риордан придёт как архидракон, — сказала Лиара, — дверь останется закрытой.

Рован едва заметно кивнул.

— А если как отец?

Дарен тихо фыркнул:

— Поздно.

Лиара не посмотрела на сына. Ответ был не для него одного.

— Тогда он будет ждать, пока дети захотят его видеть.

Сказав это, она почувствовала, как что-то меняется. Не в доме. В ней.

Раньше она думала, что сила — это выстоять рядом с Каэлем. Быть достойной его рода, его имени, его северного трона, его молчаливой гордости. Оказалось, сила начиналась там, где она переставала измерять себя его взглядом.

Агата взяла связку ключей.

— Хорошо. Раз первое правило установили, пора показать вам второе.

— Какое?

— В этом доме не все двери любят открываться перед теми, кто пришёл по приказу. Но перед вами, может быть, откроются.

Она пошла к лестнице.

Лиара хотела сначала устроить детей, но Дарен вдруг шагнул за Агатой.

— Там есть ответы?

Ключница оглянулась.

— Есть комнаты.

— А ответы?

— Иногда это одно и то же.

Мири вытерла лицо рукавом.

— Я тоже пойду.

Лиара могла отказать. Должна была, наверное. Но дети уже прошли через зал, где взрослые решали их судьбу без них. Сейчас отправить их наверх со словами “вам рано знать” значило повторить ту же жестокость в мягкой форме.

— Хорошо, — сказала она. — Но рядом со мной.

Они поднялись по широкой лестнице. Под ногами скрипели ступени, хотя перила были чистыми от пыли. На стенах висели пустые рамы. Не портреты — именно рамы, будто картины сняли в спешке или намеренно оставили только следы.

— Где портреты? — спросила Лиара.

Агата не обернулась.

— В главной галерее не любят лишних лиц.

— Их перенесли во дворец?

— Некоторые. Остальные исчезли.

— Сами?

Ключница хмыкнула.

— В этом роду даже исчезновения обычно подписаны чьей-то рукой.

На втором этаже коридор раздваивался. Агата повела их налево, к восточному крылу. Там действительно было теплее. В детской комнате стояли две узкие кровати, стол у окна, сундук с чистым бельём и полка с несколькими книгами. Мири сразу заметила на подушке синюю ленту.

Ту самую.

Лиара застыла.

Мири бросилась к кровати, схватила ленту и прижала к себе.

— Моя!

Дарен резко повернулся к Агате.

— Как она здесь?

Старая ключница не улыбнулась.

— Некоторые вещи уходят из дворца быстрее людей.

Лиара медленно взяла ленту из рук дочери.

Да, та самая. На внутренней стороне маленькая вышитая звезда, которую Лиара сделала однажды вечером, пока Мири спала у неё на коленях.

— Кто принёс?

— Девочка-писарь, — ответила Агата. — Нэя. Она работала в нижней канцелярии, пока не прочла то, что ей читать не велели.

— Где она?

— Прячется на кухне и делает вид, что не боится.

Лиара провела пальцем по ленте.

Во дворце у неё всё ещё были глаза. И руки. Не союзники, возможно. Пока только люди, которым тоже надоело молчать.

Это было больше, чем два сундука.

— Позовите её позже, — сказала Лиара. — Не перед детьми.

— Она сама придёт, когда перестанет ронять чашки от ужаса.

Мири уже завязывала ленту на запястье.

— Я больше не хочу носить её в волосах.

— Почему? — спросила Лиара.

— Там видно всем. А на руке — только мне.

Дарен сел на край кровати и наконец накинул плащ на плечи.

Лиара подошла к нему.

— Ты устал.

— Нет.

— Дар.

— Если я усну, они что-нибудь решат без нас.

Эта фраза оказалась страшнее детских слёз.

Лиара села рядом.

— Тогда договоримся. Сегодня никто ничего не решает без тебя и Мири. Но ты можешь отдохнуть рядом с открытой дверью. Я буду в соседней комнате.

— Правда?

— Правда.

— А если он придёт?

Не “папа”.

Даже не “Каэль”.

Он.

Лиара взяла сына за руку. Серебряный знак на запястье потускнел, но не исчез. Драконье крыло вокруг звезды выглядело тонким, почти хрупким. Только хрупкости в нём не было.

— Тогда его остановят.

— Рован?

— Рован. Агата. Я.

Мири забралась на вторую кровать.

— А я могу остановить чашей?

Дарен посмотрел на неё с завистью и тревогой.

— Чаши тут нет.

— Но голос есть.

Лиара задержала дыхание.

Агата, стоявшая у двери, тоже перестала двигаться.

— Мири, — осторожно сказала Лиара. — Ты снова слышишь?

Девочка кивнула и указала на стену за своей кроватью.

— Оттуда.

Стена была обычной. Серый камень, старые обои с почти стёртым узором, узкая деревянная панель внизу. Лиара подошла ближе. Ничего. Только холоднее, чем в остальной комнате.

— Что говорит?

Мири прислушалась.

— Не словами. Как будто… помнит.

Дарен поднялся.

— Стена не может помнить.

— А чаша могла говорить?

Он закрыл рот.

Лиара провела ладонью по обоям. Пальцы нащупали неровность. Едва заметную, под тканью. Она поддела край старого покрытия ногтем, но Агата резко сказала:

— Не здесь.

Лиара повернулась.

— Почему?

Ключница смотрела не на неё, а на стену.

— Потому что если дом сам показывает место ребёнку в первый день, значит, он не просто приветствует.

— А что?

Агата сжала ключи.

— Предупреждает.

Рован появился в коридоре бесшумно для такого крупного мужчины.

— Снаружи следы у задней галереи. Свежие.

Лиара сразу поднялась.

— Чьи?

— Не знаю. Один человек. Подошёл к стене, постоял, ушёл к старому саду. Следы уже заметает.

— Стража Каэля?

— Нет. У дворцовой стражи сапоги с гербом на каблуке. Эти — без знака.

Агата выругалась почти беззвучно.

— Быстро.

— Что? — спросила Лиара.

Ключница подошла к стене, перед которой стояла Мири, и сорвала край старых обоев. Рован шагнул к окну, закрывая детей собой. Дарен вскочил, но Лиара удержала его одной рукой.

Под обоями оказался камень.

На камне — тонкая линия, похожая на шов.

А ниже, почти у самого пола, были вырезаны две маленькие звезды.

Лиара опустилась на колени.

Сердце вдруг ударило так сильно, что мир сузился до этих знаков. Она коснулась первой звезды. Камень под пальцами оказался тёплым.

— Здесь дверь, — сказал Рован.

— Нет, — ответила Агата. — Здесь то, что осталось закрытым слишком долго.

Мири сползла с кровати.

— Там наши имена.

Лиара медленно повернула голову.

— Что?

Девочка показала на камень чуть выше шва.

Сначала Лиара ничего не увидела. Только трещинки, тени, следы времени. Но потом серебряный знак на запястье Дарена вспыхнул, и линии на камне ответили слабым светом.

Буквы проявились одна за другой.

Не свежие. Не вырезанные вчера. Старые, потемневшие, будто камень много лет держал их внутри и только сейчас решился показать.

Дарен.

Мири.

Лиара не смогла вдохнуть.

Не потому, что боялась.

Потому что имена её детей были вырезаны на запечатанной двери северного крыла задолго до того, как она впервые взяла их на руки.

Дарен подошёл ближе, бледный как снег за окном.

— Мама… кто написал наши имена?

За стеной что-то тихо щёлкнуло.

Будто запор, ждавший шесть лет, наконец услышал правильный голос.

Глава 3. Невеста, которой нужен трон

Щелчок за стеной прозвучал негромко.

Но Лиара услышала в нём не звук старого запора.

Она услышала ответ.

Дом не просто принял детей. Не просто показал им спрятанную дверь. Он назвал их по именам, будто ждал не день и не год, а целую жизнь, отложенную кем-то заранее.

Дарен стоял рядом с ней, вытянув руку к камню. Серебряный знак на его запястье светился мягко, неровно, словно дышал. Мири держалась за край материнского платья и не плакала. Это было хуже слёз. За один день её девочка слишком быстро научилась молчать там, где любой ребёнок должен был бы задавать сотню вопросов.

Рован шагнул ближе к окну и выглянул наружу.

— Следы ведут от задней галереи к старому саду, — сказал он тихо. — Тот, кто там был, мог слышать нас через стену.

Агата не отрывала взгляда от проявившихся имён.

— Не мог.

— Почему?

— Потому что эта стена не отдаёт чужим голосов. Она забирает их.

Лиара повернулась к ключнице.

— Агата.

— Что?

— Хватит говорить так, будто вы торгуетесь с загадками на рынке.

Старая женщина посмотрела на неё без обиды. Даже, кажется, с одобрением.

— Хорошо. Тогда скажу прямо: если дверь проснулась при детях, значит, северное крыло считает их не гостями. Наследниками.

Дарен резко вдохнул.

— Но во дворце сказали…

— Во дворце сегодня много чего сказали, — перебила Агата. — Не всё, сказанное в главном зале, становится правдой.

Лиара положила ладонь на плечо сына.

— Не спеши верить ни дворцу, ни стенам. Сначала мы поймём, кто и зачем оставил здесь ваши имена.

Мири подняла лицо.

— Их написали до нас?

Вопрос был таким простым, что от него стало страшнее.

Лиара присела перед дочерью.

— Похоже на то.

— Но как?

— Вот это мы и узнаем.

Мири посмотрела на камень.

— А если там кто-то плохой?

Рован ответил раньше Лиары:

— Тогда он пожалеет, что дождался.

Дарен бросил на него быстрый взгляд. Впервые за вечер в этом взгляде было не только недоверие. Мальчик явно решил, что человек, который говорит угрозы так спокойно, может быть полезен.

Лиара встала.

— Открываем?

Агата сжала ключи.

— Я бы сказала — нет.

— Почему?

— Потому что я слишком стара, чтобы радоваться дверям, которые сами просятся наружу.

— Но?

— Но если её нашёл кто-то снаружи, промедление опаснее.

Рован отступил от окна.

— Я проверю коридор.

— Нет, — сказала Лиара.

Он остановился.

— Госпожа?

— Не “госпожа”. И не уходите далеко. Если тот, кто был у задней галереи, рассчитывает выманить вас, мы не станем помогать.

Рован кивнул. Без спора. Это почему-то успокоило Лиару сильнее, чем готовность любого стража кланяться.

Агата подошла к стене. В её связке было не меньше двух десятков ключей, но она не выбрала ни один. Вместо этого провела большим пальцем по головке тёмного ключа с безглазым драконом и убрала связку обратно.

— Ключ тут не главный.

— А что главное?

— Кровь рода.

Лиара напряглась.

Агата сразу вскинула руку.

— Нет. Не так, как вы подумали. Не нужно ничего резать, колоть или пачкать. Дом и так уже услышал детей.

Дарен поморщился.

— Он не дом. Он камни.

— Скажешь ему это сам, когда он перестанет тебя оберегать.

— Я не просил.

— Самое полезное обычно приходит без просьб.

Лиара коснулась звезды у нижнего края двери. Камень был тёплым.

— Что делать?

Агата кивнула на близнецов.

— Пусть скажут свои имена.

— Нет, — сразу сказала Лиара.

Мири вздрогнула.

Дарен выпрямился.

Агата не стала спорить. Просто ждала.

Лиара посмотрела на имена в камне. На шов. На тёплую звезду под пальцами. На старую ключницу, которая знала слишком много и всё равно не пыталась командовать. На Рована у окна. На детей, которых сегодня уже назвали чужими, а теперь какая-то древняя часть дома называла иначе.

— Я не позволю им снова доказывать, кто они, — сказала Лиара.

Голос получился ровным. Даже спокойным. Только внутри всё сжималось от памяти о чаше, пергаменте и том мгновении, когда Мири протянула маленькую ладонь к серебру.

— Это не доказательство, — ответила Агата. — Это приглашение.

— От кого?

Старая женщина посмотрела на дверь.

— От той, чьё имя Риорданы вычеркнули первым.

Лиара почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Первым?

Агата молчала.

И этого молчания хватило.

Мири вдруг вышла вперёд. Не смело. Скорее упрямо, как ребёнок, который боится, но боится ещё больше, если взрослые будут решать за него.

— Я могу сказать, — прошептала она.

— Мири…

— Я не буду трогать. Только скажу.

Дарен шагнул к сестре.

— Если ты, то и я.

— Не обязательно, — сказала она.

— Обязательно.

Лиара закрыла глаза на одно короткое мгновение. Ей хотелось унести их обоих вниз, завернуть в одеяла, запереть все двери и сделать вид, что мир можно остановить материнскими руками.

Но мир уже вошёл в их комнату через стену.

Она встала между детьми и дверью.

— Если что-то покажется мне неправильным, мы прекращаем. Сразу.

Агата кивнула.

— Сразу.

Лиара посмотрела на Рована.

— Вы не подпускаете никого к этой комнате.

— Никого, — подтвердил он.

Дарен протянул Мири руку. Девочка взялась за неё.

Две маленькие фигуры перед старой каменной стеной.

Две живые правды против мёртвых решений совета.

Лиара сжала зубы, чтобы не попросить их остановиться только потому, что ей страшно.

Дарен сказал первым:

— Я Дарен.

Мири добавила:

— Я Мири.

Камень ответил не сразу.

Сначала проявленные имена потускнели. Потом две звезды у пола вспыхнули серебром, но свет не резал глаза. Он словно расползался по шву двери тонкими нитями, соединяя трещинки, старые сколы, скрытые линии. Лиара увидела, что это не просто дверь. На камне был рисунок — почти стёртый, спрятанный под временем.

Женщина.

Дракон.

Двое детей между ними.

И над всем — круглая звезда с двумя крыльями.

Мири тихо ахнула.

— Она смотрит на нас.

— Кто? — спросила Лиара.

— Женщина на двери.

Лиара присмотрелась. Каменное лицо было почти без черт. Но чем дольше она смотрела, тем сильнее ей казалось: да, взгляд там есть. Не ласковый. Не грозный. Ожидающий.

Снова щёлкнуло.

Дверь не распахнулась. Она отошла внутрь на палец, выпуская узкую полосу тёмного воздуха.

Дарен сделал шаг, но Лиара удержала его.

— Сначала я.

— Мама…

— Сначала я.

На этот раз сын не спорил.

Рован оказался рядом беззвучно.

— Я пойду впереди.

— Нет. Вы пойдёте за мной. Если там что-то есть, оно ждало не вас.

Он хотел возразить. Лиара видела. Но потом кивнул.

Агата взяла свечу со стола. Обычный огонь на фитиле затрепетал и посеребрился по краю.

— Вот теперь, — пробормотала ключница, — старые стены начинают вспоминать всерьёз.

Лиара толкнула дверь.

За ней оказался не ход и не тайная лестница. Небольшая комната без окон, круглая, с низким сводом. Воздух внутри был сухой, холодный, но не затхлый, словно помещение не простояло закрытым десятилетия, а просто ждало, сохраняя дыхание.

В центре стоял стол.

На столе — шкатулка из тёмного дерева и тонкая книга в серебряном переплёте.

На дальней стене висел портрет.

Лиара застыла на пороге.

Женщина на портрете была молода. Гораздо моложе, чем ощущалась дверь. Чёрные волосы заплетены в тяжёлую косу, серые глаза смотрят прямо, без кокетства и без покорности. Платье простое, тёмное, почти дорожное. На руках она держала двух детей — мальчика и девочку.

Но не это заставило Лиару похолодеть.

Мири была похожа на эту женщину.

Не полностью. Не так, чтобы спутать. У Мири были мягче щёки, детский рот, живые кудри. Но глаза… тот же разрез, та же ясная серость, то же странное ощущение, будто ребёнок слышит то, что другим недоступно.

Мири сама это заметила.

Она спряталась за Лиару.

— Почему она как я?

Агата тихо сказала:

— Потому что некоторые черты возвращаются, когда род слишком долго делает вид, что их не было.

Лиара подошла к портрету.

Внизу, на потемневшей табличке, едва читалось имя.

Элиана Риордан.

Ни титула. Ни даты. Ни упоминания мужа.

Только имя.

— Кто она? — спросила Лиара.

Агата не ответила сразу.

— Первая жена Арвена Риордана. Основателя северной ветви.

Рован тихо присвистнул.

— У Арвена была одна жена. Мелисанда из дома Вейр. Это в каждой родовой хронике.

— В каждой переписанной хронике, — сухо поправила Агата.

Лиара обернулась.

— Первая жена?

— Та, что построила это крыло. Та, что родила наследников с серебряным знаком. Та, чьё имя исчезло из главной галереи после того, как Арвену понадобился союз с домом Вейр.

Дарен смотрел на портрет.

— А дети?

Агата опустила глаза.

— Их назвали слабой ветвью.

Мири шепнула:

— Как нас.

Лиара медленно подошла к столу. Книга в серебряном переплёте лежала открытой, хотя не было ни ветра, ни руки, которая могла бы её раскрыть.

На первой странице были слова, написанные твёрдым женским почерком.

“Если ты читаешь это, значит, род снова предал кровь и снова надеется, что подпись сильнее имени.”

Лиара не сразу смогла продолжить.

Она почувствовала, как всё вокруг — комната, дети, Рован, Агата, портрет — отступило, оставив её одну перед чужой фразой, написанной так давно и так точно, будто Элиана стояла за её плечом в главном зале и видела, как Каэль ставил подпись.

— Читайте вслух, — попросил Дарен.

Голос у него был хриплым.

— Не уверена, что…

— Пожалуйста.

Лиара посмотрела на сына.

Он не просил отца. Не просил совет. Не просил вернуть комнаты, игрушки, прежнюю жизнь. Он просил правду.

Она не имела права отказать.

Лиара взяла книгу осторожно. Страницы не рассыпались. Наоборот, казались прочными, будто были сделаны не из бумаги, а из тонкого слоя лунного света.

— “Меня звали Элиана. В доме Риорданов это имя стало неудобным, потому его спрятали. Я была женой дракона, который клялся мне в верности перед небом и родовой звездой. Я родила ему двоих детей. Он назвал их чудом, пока совет не объяснил ему, что чудо нельзя контролировать”.

Мири всхлипнула.

Лиара остановилась.

— Продолжать?

Девочка кивнула.

Дарен подошёл ближе к сестре.

— Я здесь.

Лиара снова посмотрела в книгу.

— “Серебряный знак приходит не к каждому наследнику. Он приходит к тем, в ком кровь помнит первый договор: дракон не владеет родом, а служит ему. Совет возненавидел это правило. Муж мой испугался. Испуганный дракон страшнее злого, потому что злой хотя бы знает, чего хочет. Испуганный хочет только, чтобы его простили за трусость до того, как он её совершит”.

Рован тихо выдохнул.

Агата стояла у двери, будто слышала эти слова не впервые, но всё равно они резали её по живому.

Лиара продолжила:

— “Меня отправили в северное крыло. Не сразу. Сначала меня просили молчать. Потом обещали сохранить детям место, если я откажусь от голоса. Потом принесли пергамент и сказали, что это необходимо для будущего рода. Они всегда говорят о будущем, когда хотят украсть настоящее”.

У Лиары задрожали пальцы.

Эта женщина писала не о прошлом.

Она писала о ней.

О главном зале. О Каэле. Об Эвелине. О Тарре. О словах, которыми мужчины и женщины власти обмазывали предательство, чтобы оно выглядело как долг.

Дарен спросил:

— Что было с её детьми?

Лиара перевернула страницу.

Следующие строки были темнее.

— “Если когда-нибудь дети с двумя звёздами войдут сюда, скажи им: они не первые отречённые. Но пусть станут первыми, кто вернёт имя не просьбой, а правом”.

Мири шагнула к портрету.

— Она знала нас?

— Нет, птичка, — Лиара с трудом заставила голос звучать ровно. — Думаю, она знала, что такое может повториться.

Агата тихо произнесла:

— В этом доме повторение не считают совпадением.

Дарен повернулся к ней.

— А вы знали про эту комнату?

— Знала, что она есть.

— Почему не сказали раньше?

— Потому что дверь не открывалась.

— Никому?

— Никому из тех, кто спрашивал приказным голосом.

Лиара посмотрела на шкатулку.

— А это?

Агата покачала головой.

— Не знаю.

Рован нахмурился.

— Тогда лучше не трогать.

— Согласна, — сказала Лиара.

Мири вдруг протянула руку.

— Подождите.

— Мири, нет.

Девочка остановилась сразу. Не коснулась. Только посмотрела на крышку шкатулки.

— Там не страшное.

— Что там?

— Письма. Они шумят.

Дарен с сомнением глянул на неё.

— Письма не шумят.

Мири обиделась:

— Для тебя стены не помнят, голос не старый, письма не шумят. А потом всё оказывается.

Рован отвернулся к двери, скрывая улыбку.

Дарен покраснел.

— Я просто говорю.

— И я просто говорю.

Лиара на мгновение позволила себе услышать не пророчество, не угрозу, не тайну, а обычную детскую перепалку. Маленький островок жизни посреди чужого прошлого.

Она открыла шкатулку сама.

Внутри действительно лежали письма.

Не одно. Не десять. Целая связка, перевязанная потемневшей серебряной нитью. На верхнем конверте было написано: “Той, кто придёт после меня и не согласится исчезнуть”.

Лиара провела пальцем над строкой, не касаясь.

— Элиана оставила это не детям, — сказала она. — Мне.

Агата кивнула.

— Значит, она была умнее большинства Риорданов. Понимала, что детей спасает не только кровь. Их спасает тот, кто рядом.

Лиара взяла письмо.

В этот момент из коридора донёсся короткий стук.

Рован мгновенно развернулся.

— Агата, детей за спину.

— Не командуй мной в моём возрасте.

— Тогда, пожалуйста.

— Так лучше.

Агата увела близнецов к дальней стене. Лиара положила письмо обратно в шкатулку и закрыла крышку. Каменная дверь оставалась приоткрытой, и через щель в детской комнате был виден край кровати, синяя лента на одеяле и тень человека у порога.

Незнакомый голос произнёс:

— Я не враг.

Рован ответил:

— Враги редко входят со словами “я враг”.

— Я Нэя. Из нижней канцелярии. Агата сказала прийти, когда перестану ронять чашки.

Агата тихо фыркнула.

Лиара вышла из тайной комнаты первой.

На пороге детской стояла девочка лет четырнадцати. Может, пятнадцати. Тонкая, веснушчатая, с коротко подрезанными каштановыми волосами и чернильным пятном на рукаве. В руках она держала свёрнутый лист, прижав его к груди так крепко, будто бумага могла убежать.

Увидев Лиару, Нэя присела в неловком поклоне и едва не стукнулась плечом о косяк.

— Простите. Я не хотела мешать. То есть хотела, но не так. То есть мне сказали быстро, а быстро у меня выходит плохо, когда я боюсь.

Дарен посмотрел на неё с интересом.

— Ты всегда столько говоришь?

Нэя моргнула.

— Когда молчу, мне хуже.

Мири выглянула из-за Агаты.

— Ты принесла мою ленту?

Девочка сразу просияла и тут же испугалась собственного выражения лица.

— Да. Я взяла её с корзины для вещей, которые должны были… ну… не попасть к вам.

Лиара подошла ближе.

— Кто приказал?

Нэя сглотнула.

— Лорд Тарр подписал список. Но распоряжение пришло из покоев герцогини Эвелины. Там было сказано оставить детям только дорожное и учебное. Всё личное — в опись закрытого хранения.

— Закрытого хранения, — повторила Лиара. — Как мило звучит кража, если дать ей канцелярское имя.

Нэя нервно кивнула.

— У них много таких имён.

Рован подошёл к двери и выглянул в коридор.

— Ты пришла одна?

— Да.

— Следы у задней галереи твои?

Нэя побледнела.

— Нет! Я вошла через кухню. Меня Гарт подвёз до нижних ворот, дальше я шла с корзиной белья. У меня сапоги… — она выставила ногу. — Видите? Каблук кривой. Следы должны быть как у пьяной утки.

Дарен прыснул.

Мири тоже улыбнулась.

Лиара впервые за вечер почти выдохнула свободно.

— Что ты принесла?

Нэя сразу посерьёзнела и протянула свёрнутый лист.

— Копию записи из нижней канцелярии. О северном крыле. Я видела её неделю назад, когда меня поставили переписывать старые описи. Сегодня после зала поняла, что это не просто старая бумага.

Лиара развернула лист.

Почерк Нэи был мелкий, аккуратный, с острыми буквами.

“Северное крыло. Первоначальное наименование: Дом Звёздной крови. Построено Элианой Риордан, первой супругой Арвена Северного. Позднее исключено из перечня родовых резиденций. В служебном употреблении именуется Лазаретом.”

Лиара перечитала дважды.

— Дом Звёздной крови, — сказал Дарен тихо.

Мири коснулась своей синей ленты.

— Красивее, чем Лазарет.

— Поэтому и переименовали, — сказала Агата.

Лиара посмотрела на Нэю.

— В книге рода Элианы нет.

— Уже нет, — ответила девочка.

— Что значит “уже”?

Нэя замялась.

Рован сложил руки на груди.

— Говори.

— Я видела старую страницу. Не саму, копию с копии. У нас внизу иногда хранят черновики, если верхняя канцелярия считает их неважными. Там было имя Элианы. И рядом два детских имени. Но потом пришёл приказ поднять все упоминания о первой супруге Арвена в закрытый архив.

— Когда пришёл приказ? — спросила Лиара.

Нэя опустила глаза.

— Утром.

Комната стала слишком тесной.

Утром.

До развода. До чаши. До появления имён на серебре. До того, как Мири услышала старый голос.

Лиара медленно сложила копию.

— Значит, они знали, что северное крыло связано с детьми.

Нэя кивнула.

— Или боялись, что связано.

— Кто подписал приказ?

— Не лорд Тарр.

— Тогда кто?

Девочка посмотрела на дверь, словно боялась, что коридор передаст слова дальше.

— Леди Селеста Аверин.

Рован выругался сквозь зубы.

Агата закрыла глаза.

Лиара не удивилась.

Скорее, внутри встала на место ещё одна деталь.

Селеста знала о северном крыле. Знала достаточно, чтобы собирать старые записи. Знала, как быстро перейти от “никто не хочет причинить детям переживания” к “старые силы, о которых мы ничего не знаем”. И слишком спокойно стояла рядом с Каэлем, пока совет отрекал детей.

Невеста, которой нужен был не мужчина.

Трон.

Печать.

Род.

И устранённые наследники.

— Мама, — тихо сказал Дарен, — она хочет забрать наше место?

Лиара посмотрела на сына.

Шестилетний ребёнок не должен был задавать такие вопросы.

Но он уже стоял в зале, где его пытались вычеркнуть. И теперь имел право на ответ.

— Да, — сказала Лиара. — Похоже, хочет.

Мири нахмурилась.

— А зачем ей наше место? У неё же свои платья.

Нэя сдавленно икнула, потом быстро прикрыла рот.

Рован повернулся к окну, но плечи у него дрогнули.

Лиара погладила дочь по волосам.

— Иногда взрослым мало платьев. Им хочется, чтобы все вокруг считали их главными.

— А если не считать?

Агата сухо сказала:

— Тогда они злятся.

Мири подумала.

— Пусть злится у себя.

Лиара почти улыбнулась.

— Постараемся.

Нэя вдруг вытянулась, будто вспомнила самое важное.

— Это ещё не всё.

— Говори.

— Сегодня после того, как вы уехали, во дворце закрыли главную галерею. Сказали, что из-за трещины в чаше нужно проверить гербовые огни. Но я видела, как лорд Тарр нёс половину чаши в зал совета.

Лиара напряглась.

— Какую половину?

— Ту, где были имена.

Дарен шагнул вперёд.

— Они украли наши имена?

— Нет, — сказала Лиара, хотя сама почувствовала, как внутри всё похолодело. — Имена уже видели.

— Но если они спрячут серебро?

— Тогда найдём другой способ доказать.

Агата кашлянула.

— Или заставим дом говорить громче.

Лиара посмотрела на тайную дверь.

— Что для этого нужно?

— Понять клятву.

— Какую?

Мири вдруг обхватила себя руками.

— Ту, которую шепчет стена.

Все повернулись к ней.

Девочка смотрела на портрет Элианы через приоткрытую дверь. Её лицо стало совсем тихим.

— Она говорит не мне. Она говорит дому. Но я слышу кусочки.

Лиара опустилась рядом.

— Какие?

Мири зажмурилась.

— “Отречённые вернут имя…”

Она остановилась.

Дарен взял её за руку.

— Дальше.

— “…когда дракон предаст кровь”.

В комнате стало так тихо, что Лиара услышала, как Нэя всхлипнула от страха.

Дракон предаст кровь.

Каэль уже предал?

Или речь не о нём?

Или самое страшное ещё впереди?

Лиара не успела ответить детям. Внизу хлопнула дверь.

Рован мгновенно оказался у выхода.

— Я никого не впускал.

Из холла донёсся голос Гарта. Неровный, тяжёлый после быстрой дороги:

— Госпожа! Лиара!

Она вышла в коридор почти бегом, хотя заставила себя не сорваться. Дети двинулись за ней, но Рован выставил руку.

— Здесь.

— Мы не останемся! — вскинулся Дарен.

Лиара обернулась.

— Рядом с Агатой. Дверь открыта. Ты всё услышишь.

Он хотел спорить, но Мири сжала его руку.

— Дар, пожалуйста.

Мальчик остался.

Лиара спустилась по лестнице. Внизу Гарт стоял у входа без шапки, с красным от холода лицом. В руках он держал тубус с чёрной лентой и серебряной печатью совета.

Рован спустился следом за Лиарой и встал чуть сбоку.

— Кто передал? — спросила она.

Гарт протянул тубус.

— Дворцовый гонец. Я был уже на полпути обратно, когда он догнал меня у нижней рощи. Сказал доставить немедленно. Я… я не хотел брать.

— Но взяли.

— Если бы отказался, приехали бы другие.

Лиара не упрекнула.

Она взяла тубус.

Печать совета была целой. Чёрная лента означала обязательное исполнение. Такие приказы не отправляли для приглашений.

Рован посмотрел на неё.

— Не открывайте здесь.

— Почему?

— Потому что если это приказ, то пока вы его не прочли, он ещё не вошёл в дом.

Агата, спустившаяся на несколько ступеней, резко сказала:

— Умный мальчишка.

— Мне тридцать шесть.

— Не сейчас.

Лиара посмотрела на печать.

Она могла не открывать. Могла бросить тубус в огонь. Могла приказать Гарту забыть дорогу сюда.

Но тогда решение всё равно придёт — только уже не бумажным голосом, а сапогами у ворот.

Она сломала печать.

Рован тихо выдохнул.

Лиара развернула пергамент.

Строки были выведены чётко, без спешки. Слишком чётко для дня, который должен был потрясти дворец. Значит, приказ готовили заранее. Оставалось только вписать повод.

“На основании решения временного совета рода Риорданов, ввиду непредвиденного проявления родовых знаков у детей Дарена и Мири, а также в целях проверки происхождения, силы и законности их притязаний, предписывается доставить указанных детей в главный дворец до рассвета.”

Лиара читала дальше без выражения.

“До завершения проверки дети должны находиться отдельно от Лиары Вейл, чьё влияние на их показания и проявления может исказить волю рода.”

Слова начали расплываться, но не от слёз.

От ярости.

“Сопротивление распоряжению будет признано угрозой родовой безопасности.”

Подпись:

Арман Тарр.

Ниже, второй строкой:

Селеста Аверин, временная хранительница брачного договора северной ветви.

Лиара медленно опустила пергамент.

Наверху Дарен спросил:

— Мама?

Она подняла голову.

Сын стоял у перил, хотя обещал остаться. Мири рядом с ним. Агата за их спинами, не удержала — или не захотела удерживать.

Лиара смотрела на детей и впервые за этот день позволила страху войти полностью.

Не сломать её.

Войти, чтобы стать топливом.

Они хотели забрать Дарена и Мири до рассвета.

Отдельно от матери.

После того, как чаша признала их.

После того, как в северном крыле открылась дверь с их именами.

После того, как Селеста поняла: дети не ошибка, а препятствие.

Рован тихо спросил:

— Что прикажете?

Лиара сложила приказ пополам.

Потом ещё раз.

И бросила в камин.

Огонь вспыхнул серебром.

Гарт побледнел.

Нэя на лестнице зажала рот ладонью.

Дарен смотрел широко раскрытыми глазами.

Мири прошептала:

— Теперь они рассердятся.

Лиара поднялась по ступеням к детям.

Медленно.

С каждым шагом она чувствовала, как исчезает последняя женщина, которая ещё могла надеяться, что всё решится разговором.

— Пусть, — сказала Лиара. — Теперь они будут стучаться в двери, которые открываются не перед ними.

За воротами северного крыла протяжно взвыл рог.

Один раз.

Потом второй.

Рован резко повернулся к окну.

Агата погасила свечу пальцами и сказала так тихо, что услышали только те, кто стоял рядом:

— Быстро они.

Лиара подошла к окну.

У внешней стены, среди снега и чёрных сосен, появились первые огни.

Не один гонец.

Не советник.

Отряд.

И над воротами северного крыла вдруг сами собой вспыхнули две серебряные звезды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.